

Отз едины пѣтъ у себе измысли,
Что да стори съ пастыркѣ намисли,
Па отз себе свилны дрѣхы свѣчѣ
И овчарскы, пастырскы облѣчѣ.
У полночь потайно излѣзна,
И у дрѣма пракый за там' влѣзна.
Назарань-та вѣлз день са завѣли,
И Младый-тз вк дворз не са намѣри.
Родители-ти мѣ са смѣтихѣ,
И у жалость великѣ с' спѣстихѣ
Сички комшии и нихни роднины,
И прочий-ти любовници нихни!
Цѣлый домз сзсз тешко вздышанѣ
Напзлни са сзсз плачз и рыданѣ.
Сльзы ронѣть у гърды са вѣнѣть,
За него са вк чьрно обѣвѣвать.
Расписѣвать скаде на кадѣ? —
Да но слзнице нѣкзкз ры огрѣ,
Но отз нигдѣ, ни стѣпкѣ, ни глѣсз,
О! жалостный и несчастный чѣсь!
Непрѣстанно за него плакѣхѣ
И различно за него пытѣхѣ
Да не вы го негдѣ кой убѣлз,
Ил' са вк водѣ негдѣ удавилз?!
Они така сѣтѣвахѣ тайно,
А Форнозз пѣтѣваше безкрайно.
У тѣй врѣмѣ каде годз ходѣлз,
Жалостны е той дни проводѣлз
Вз непознаты пастырскы одѣла.
Плодове были храна мѣ цѣла.